

Ирина Петрова

Ирина Ильинична Петрова — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг «По Крыму - Пушкину вослед» (1996), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе - наследство» (2001), «О, Таврическая ночь!» (2002), «Едва рожден, он был воспет» (2002), а также очерков и рассказов. Автор ряда публикации в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя». Автор книги о многочисленных горных путешествиях «Петровские тропы» (2002).

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.

«ГОСТЕПРИИМНЫЕ ДУБРОВЫ...»

Санкт-Петербург
2002

Ирина Петрова.

«Гостеприимные дубровы...» - СПб., 2002. - 12 с.

Размышление о глубоком восприятии А.С.Пушкиным потаенных уголков Крыма, о его уважительном интересе к жизни и труду простых людей, тогда возделывавших крымскую землю и запечатлевших образ поэта в народной памяти.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Другие произведения И.И.Петровой размещены и постоянно обновляются по адресу:
<http://ii.petrova.narod.ru/>
Отзывы и предложения просьба направлять по адресу
ii.petrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2002

Он жил тогда в Юрзуфе, и меня
Он жаловал и брал в проводники;
Бывало с ним в такую глушь заедем,
Что мудрено и птице залететь;
Зато тебе и не приснятся виды,
Какие нам встречались порой.
И как тогда он был доволен, весел,
Он тешился, от сердца, как дитя,
То погружен глубоко, долго в думу...
То звал меня и заводил со мной
Душевную и умную беседу...

Путешественник

Так это он! Я узнаю поэта!
Везде любовь он по себе оставил.

Проводник

Кто ж он?

Путешественник

Отечества и слава и любовь!..
В его груди был песен мощный ключ...
Твой Крым он пел, быть может, в эту пору.

И далее следует печальная повесть о том как «Угаснуло блестящее светило.../ Недавнею на севере могилой».

Конечно, возможно, потомки привнесли свое в легенду о Поэте. Зато из семейного предания получилось эпическое произведение, имеющее ценность общенародную. Тот факт, что она сохранялась многими десятилетиями (запись Караваевой сделана через 107 лет после событий), говорит о понимании масштаба события, которое имело место на крымской земле. В этом, как мне кажется, а не в точности деталей, её главная ценность, ее значимость в сокровищнице общечеловеческой культуры и памяти.

1999-2002, Санкт-Петербург

«Удивительный это был человек. Едут, едут они, бывало, вскарабкаются куда-нибудь высоко. Пушкин глядит во все стороны, на небо глядит, а потом начинает говорить быстро-быстро, а на глазах слезы...»

Память превращается в легенду, когда народом признается (пускай и не вполне осознанно) масштаб личности, лежащей в её основе. Вероятно, это произошло сразу после гибели Пушкина. Возможно, что отголосок её содержится в произведении одного из поэтов пушкинской эпохи, ныне забытого Андрея Ивановича Подолинского (1806-1886). В 1837 году он написал драматическую сцену «Переезд через Яйлу», имевшую подзаголовок: «Памяти Пушкина по получении известия о его гибели». В ней два действующих лица: *Путешественник* и *Проводник*, старый татарин (возможно, тот Гассан, кто за семнадцать лет до того действительно бывал сопровождающим Пушкина и из рассказов которого легенда и возникла). Оба путника ранним утром на татарских конях поднимаются в горы. Для начала у русского путешественника начинается как раз «война» с конем.

Путешественник

Упрямое животное - твой конь.

Не сладишь с ним ни ласкою, ни плетью;

Терпенья нет!

Проводник

Конь хоть куда, а сам ты виноват...

Вот видишь, ты поводья натянул,

А горец мой привык идти на воле,

Ведь и коню мила его свобода.

Наконец между конем и путешественником устанавливается мир, а между путниками возникает доверительная беседа.

Проводник

Немного мне твоих единокровных

Случилось знать в судьбе моей убогой,

Но одного еще я живо помню.

*Простые хижинь татар,
Где дышит дружбы чистый дар...*

В. Измайлов

*Всё живо там и тополей прохлада
И в их тени уснувшие стада...*

А. Пушкин

При всем многообразии публикаций, посвященных А.С.Пушкину, появившихся к юбилею и появляющихся ныне в российской печати, тема общения поэта с селянами-татарами во время его пребывания в Крыму, на мой взгляд, не нашла заметного отражения. И так, в какой мере Пушкин общался с жителями селений, как часто наблюдал их жизнь? Мне кажется, это происходило нередко и имело для него большое значение. Как известно, в Гурзуфе, где поэт прожил более двух недель, он вел жизнь внешне спокойную. Однако судя по его стихам, жизнь была не только внутренне напряженной, но и разнообразной, включающей прогулки по ближним и дальним окрестностям. В его крымских строках больше всего воспевается море в различных его проявлениях. Однако и горные долины влекут его. Об этом чудное стихотворение 1821 года «Земля и море»:

Когда по синеве морей

Зефир струит и тихо веет

В ветрила гордых кораблей

И челны на волнах лелеет;

Забот и дум слагая груз,

Тогда ленюсь я веселее

И забываю песни муз:

Мне моря сладкий шум милее.

Когда же волны по брегам

Ревут, кипят и пеной плещут

И гром гремит по небесам,

И молнии во мраке блещут

*Я удаляюсь от морей в
Гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.*

И в пешех, и в конных прогулках, он не мог миновать горных селений,

*Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.*

В цитируемом стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» «Сады татар, селенья, города» он ставит на первое место среди всей поразившей его природы Крыма, не забывая о делах человеческих: «Янтарь висит на лозах винограда, / В полях шумят бродящие стада»...

В какой-то «хижине», вероятно, услышал Пушкин веселый рассказ о незадачливом муже, отправившимся выполнить просьбу беременной жены:

*Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет(так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил - Фатима это знала,
И каждый год ему детей рожала.
По нашему, друзья, хоть это и смешно,*

оставил по себе народные предания. В «Евгении Онегине», вспоминая дни, проведенные в Крыму, поэт восклицает:

*А там, меж хижинок татар
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!..*

Видимо, это народное предание послужило одному из известнейших художников Крыма академику Н.С.Самокишу (1860-1944) основой для создания картины, где Пушкин на фоне Аю-дага внимает рассказу почтенного возраста горцу (Гассану?).

В одном из эпизодов рассказа Ибрагима, между прочим, говорится о поэте как неумелом наезднике:

«Пушкин ездить верхом не умел, а сам горячий, на месте стоять не хочет... Но только он хотел научиться ездить верхом».

Тут, как мне кажется, дело обстояло так: в народной памяти запечатлелся, вероятно, первый выезд Пушкина, который привык к равнинным лошадям. Здесь же ему пришлось иметь дело с лошастью особой породы, горной, крымской. Этот «умный конь» (В.Бенедиктов) хорошо знал местность и не терпел неумелого командования, из-за чего поначалу у многих русских возникали недоразумения. Он привык идти без поводов и сам решать «стратегические задачи» в опасных ситуациях, что потом отмечали многие поэты, оказавшиеся в Крыму. Вероятно, было первоначально недоразумение и у Пушкина, особенно если учесть упомянутую горячность его природы (и окружение барышень Раевских!). Но потом он, видимо, много ездил верхом, а своё уважение к этому животному дважды (в стихотворении «Кто видел край...» и в финале «Бахчисарайского фонтана») подчеркнул словами «Привычный конь», который и в темноте «над бездною» безопасно перенесет седока. О дальних поездках также говорится в повествовании Ибрагима:

у Пушкина встречали - «сады роскошные Гассана»!) был в 1820-м сопровождающим («суруджи») молодого Пушкина в его блужданиях по окрестностям. Вот один отрывок, который убеждает в подлинности этого рассказа-легенды:

«Любил Пушкин виноград, любил до страсти... А ел он очень смешно. Оторвет кисть — и всю ее в рот. Так много заберет, что и щеки надует. Сосет, а сам косточками плюет... Косточками плюется, сам хохочет, как мальи́й».

Помните строку Поэта в уже упомянутом «Отрывке из письма к Д.»: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и **объедался** виноградом»? А его стихотворение той поры «Виноград»!

*Не стану я грустить о розах,
Увявших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени золотой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.*

Да и эпизод с косточками и безудержным смехом, по многим воспоминаниям о поэте для него характерным, не выдумать (тем более «старик»-татарину в 1927-м). А вот второй отрывок:

«Любопытный был,.. обо всем выпрашивал... Женщины ковры ткнут, вышивают — и он тут же сядет, просит песни петь... Потом поклонится в землю и пойдет себе. Любил он со стариками говорить, а те его называли «почтительный сын».

Как это похоже на поведение Пушкина в Михайловском, где он бродил по ярмаркам, слушал слепых певцов, заслушивался сказками и песнями своей няни Арины Родионовны и тоже

*Но у татар уж так заведено.
Фатима раз - (она в то время
Несла трехмесячное бремя, -
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная жена
Имеет прихоти, то эти, то другие,
И, боже упаси, какие!)*

*Фатима говорит умильно муженьку:
«Мой друг, мне хочется ужасно каймаку
.....
Любезный, миленькой, красавец, мой дружок,
Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек».
Мехмет разнежился, собрался, завязал
В кушак тарелку жестяную;
Детей благословил, жену поцеловал
И мигом в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел - зато в обратный путь
Пустился по горам, едва, едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Увидел он ручей,
Добрал до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень, и легкой ветерок -
Всё не жило, всё говорило:
«Люби иль почивай!» - Люби! Таких затей
Мехмету в ум не приходило.
Хоть и мог. - Но спать! Вот это мило -
Благоразумней и верней.-
За то Мехмет, как царь, уснул в долине...*

Любил он «бродить на берегу морском», особенно в пору, «когда луна сияет над заливом», любил «слушать шум моря - и заслушивался целые часы». Возможно, в одну из таких прогулок подслушал поэт разговор двух погруженных в свои невеселые заботы тамошних слугителей гарема:

*Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.*

*«Мизгур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика...»*

Совершал он ночью и дальние конные поездки, наблюдая ночную жизнь, предназначенную для отдыха животным и людям, с древним, к библейским временам восходящим, обычаем оставлять зажженным светильник в доме, чтобы заблудившийся путник мог найти приют и спасение:

*Когда луны сияет лик двурогой
И луч её во мраке серебрит
Немой залив и склон горы отлогой,
И хижину, где поздний огонь горит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит,
И в темноте как призрак безобразный
Стоит вельблюд, вкушая отдых праздный.*

Особо обратим внимание на строку «Привычный конь над бездною бежит», она нам в дальнейшем пригодится.

О его внимании к культуре татарского народа много других свидетельств в его строках. В Бахчисарае он «обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевают и на полуевропейские переделки некоторых комнат» («Отрывок из письма к Д.»). Надпись на «Фонтане слез» также его заинтересовала: «Хвалу стране прочел я дальней / Но о Марии ты молчал» («Фонтану Бахчисарайского дворца»). И еще одна надпись на крымском фонтане (т.е. на источнике питьевой воды, архитектурно оформленном) привлекла его внимание (может быть та, где «на мраморе печального фонтана» сидели «стражи гарема»), о ней он вспомнил десятилетие спустя, пытаясь облечь в стих тогда кем-то (может тем же стариком?) прочитанную ему арабскую вязь:

*Сей белокаменный фонтан
Стихов узором испещренный,
Сооружен и изваян.....
Железный ковшик.....
.....цепью прикрепленный.
...Кто б ни был ты: пастух...
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей.*

Конечно, его яркий, ни на кого не похожий образ должен был запечатлеться в памяти жителей окрестных с Гурзуфом селений, тем более, что горцы в этом плане особенно памятливы да и приезжих тогда, в 1820-м, было не так много. Письменным свидетельством этому является давняя публикация Анны Караваевой «Находка в горах» («Прожектор», 1934, №12, С.14-17). На нее обратил внимание в статье «Почтительный сын... моря» Леонид Сомов («Слава Севастополя», 10 февраля 1999). Оказывается, гурзуфский старик Ибрагим в 1927 году поведал писательнице о том, как его прадед Гассан (это имя мы